

ниций записал в дневнике слова Горького: «Чем скорее русский народ забудет Толстого и Достоевского, тем лучше» (Архив А. М. Горького, ФКП Д-Пят, 5-1-18). Несомненно, сказано это в запальчивости, возможно в полемике с Пятницким, с которым уже тогда у Горького были принципиально расхождения во взглядах. Но и в августе 1911 г. в письме к В. В. Розанову Горький пишет столь же полемично: «Порою мне кажется, что Вас родил искаженный и злой человек Федор Достоевский <...> Не люблю я „великого инквизитора“ Достоевского и восточного философа Льва Толстого — не люблю» (Коптекст. 1978. М., 1978, с. 304).

⁴ Ср. в лекциях о русской литературе: «Возьмите сказку „О попе и работнике Балды“, о „Золотом петушке“, „О царе Салтане“ и т. п. Во всех этих сказках насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрывал, не затушевывал, а, напротив, оттенял еще более резко» (Горький М. История русской литературы, с. 99).

⁵ О какой рукописи идет речь, не установлено.

⁶ Тезис, постоянно утверждаемый Горьким. «Правда проста, все великое — просто, народ — прост, как небо, с ним нужно говорить хорошими, твердыми словами...» (письмо к В. В. Розанову от 4 ноября ст. ст. 1905 г., см.: Коптекст. 1978, с. 301); «В сравнении с „Тайболой“ — лучше, ибо — проще. Но нужно еще проще. Будет сильнее, внушительнее» (письмо к В. И. Язвицкому, июнь 1910 г., см.: Архив А. М. Горького, т. VII. М., 1959, с. 89).

⁷ В записных книжках Достоевского есть такая фраза: «Гоголь — гений исполнянский, но ведь он и туп, как гений» (20, 153). Горький не мог знать этого высказывания, так как в 1900—1910-х годах оно не было опубликовано. Возможно, аналогичное мнение Достоевского бытовало в устной традиции и могло быть известно Горькому через какой-то печатный источник, в котором была приведена эта фраза.

⁸ Возможно, имеется в виду фраза Ф. Шиллера из статьи «О паивной и сентиментальной поэзии» (1796): «Гением его делает только паивность...» (Шиллер Ф. Собр. соч., т. 6. М., 1957, с. 396).

ДЕЯТЕЛИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ О ДОСТОЕВСКОМ

В сборнике «Достоевский и его время» (Л., 1971) были помещены размышления советских и зарубежных писателей и деятелей искусства об их отношении к Достоевскому (с. 5—16). В настоящем томе редакция помещает ряд новых размышлений, построенных в форме ответов на те же вопросы:

1. В каком возрасте и при каких обстоятельствах Вы познакомились с произведениями Достоевского? Какое впечатление они произвели на Вас при первом знакомстве?

2. Оказал ли Достоевский влияние на Ваше духовное развитие и на Ваше творчество?

3. Ваше любимое произведение (прозаические) Достоевского?

4. Как Вы оцениваете место Достоевского в русской и мировой литературе?

5. Какие стороны творчества Достоевского Вы считаете наиболее ценными и важными для нашего времени?

Публикуя ответы на эту анкету, редакция выражает свою благодарность всем, кто откликнулся на ее просьбу и предоставил ей право публикации своих размышлений.

Г. Я. Горбовский

(поэт; Ленинград)

1. Не помню, кто первым извлек из себя кочующую в умах фразу: «Достоевского нужно читать с седыми волосами», т. е. в зрелом состоянии души. Лично я приобщился к миру Достоевского в неполные восемнадцать лет и ничуть о том не сожалею сегодня, обретая неизбежную седину. Правильнее будет выразиться не менее расхожими словами: «Достоевского нужно не читать, а перечитывать», т. е. читать постоянно. На протяжении судьбы. Ибо истины, проповедуемые Достоевским, — это цепь постепенно возрастающих вершин, которые покоряются не сразу, а в определенной последовательности. И покоряются далеко не все и не всем.

Обстоятельства, при которых произошло мое знакомство с гением русской прозы, способствовали восприятию внешне сложных, а по сути своей — столь человеческих произведений писателя. Это были так называемые послевоенные годы. Еще ребенком пострадавший, не единожды униженный и оскорбленный в скитаниях по оккупированной территории родины, проживавший затем то в детских домах, то в детской трудколони, я, может быть, бессознательно ощутил в Достоевском писателя-друга, писателя-покровителя, писателя-сомученика...

Конкретным же человеком, на столе которого я впервые увидел книги Достоевского, был мой отец. И произошло это в глухих

заволжских лесах, в бревенчатой сельской школе. В 1947 г. Но в Достоевского я тогда не проник. Осилит «Войну и мир», «Обломова», уточул в стихах Пушкина, Пикитина, Ылока... И только через год, уже в Ленинграде, обрета доступ к прекрасному, соприкоснулся, наконец, с Достоевским. Огромная книга с кожаным корешком и золотыми буквами на коже. Белколенная бумага, крупный, маяничий шрифт... И что примечательно — первым из романов Достоевского, с которым свел меня случай, был «Идиот». Не «Униженные и оскорбленные», не «Бедные люди» или «Неточка Незванова», а именно история о непрактичном, добром, наивном чудеке — князе Мышкине.

2. Отсюда и влияние. Свою первую, ученическую книжечку стихов навряд ли бессознательно назвал я «Шоиски тешла», иными словами — поиски добра, справедливости, человечности, всего того, что олицетворяли в своих поисках великий писатель и его удивительные герои: князь Мышкин, Алеша Карамазов, Соня Мармеладова, старец Зосима...

3. На всю жизнь пронес любовь к «Идиоту». Люблю его перечитывать, как стихи Пушкина, Тютчева, Державина. Не расстаюсь с «Дневником писателя». Люблю читать самое имя писателя, где бы оно ни возникло в свете и сумерках жазци — сразу душа оживает, ободряется разум.

4. Достоевский в своих произведениях поднимал вопросы вечного звучания: добро и зло, правда и ложь, бог и дьявол. Поднятые сих вопросов, а также проникновение в души людские, в их самые глухие закоулки и затаенные глубины — все это и многое другое в произведениях Федора Михайловича Достоевского позволило занять ему в мировой литературе одно из самых вершинных мест. И причиной тому не только его гениальные писательские возможности, но и обнаженное сердце гуманиста, человеколюбца, незапятнанная совесть радетеля за победу в человеке добрых начал, за совершенствование душ людских. Достоевский сам страдал не единожды, а, может, и на протяжении всей своей жизни. Страдания воспитали в нем подвижника, проводника добра, — каким сам он склонен был считать христианина в повседневном, а не в церковном и даже не в философском толковании этого понятия. Отсюда он как личность — цельнее даже такого великого художника, как Лев Толстой, христианинствовавшего мнимо, т. е. вне личных страданий.

5. Во времена глобального оскудения нравственных запасов (этот благополучный Запад с его гласной и негласной философией выживания, накопительства в ущерб духовным кладовым), во времена технократизации образа жизни людей и экологических судорог мысли и образы Достоевского, т. е. его книги, должны стать настольными для всех людей доброй воли, т. е. для всех совестливых людей, на коих и держится все живое на земле. Книги Достоевского призывают к жизни духовной. А живая, постоянно совершенствующаяся душа — не она ли способна и все материальные ценности от беспощадного разрушения, насилия оградить?

Д. А. Гранин

(писатель, лауреат Государственной премии СССР; Ленинград)

1. Я познакомился с Достоевским в школе по «Преступлению и наказанию». Но одолеть этого романа до конца я тогда не смог: слишком был он тяжким. Впоследствии несколько раз я снова брался за него, но прочел его полностью только тридцатилетним, после войны. И после этого я пришлось читать Достоевского. Так что это — мой самый «поздний» писатель, и он оказался для меня одним из самых важных.

2. Оказал ли Достоевский на меня влияние? Наверно, только не знаю какое, в какую сторону. А то, что оно было, так об этом сужу по интересам, многолетнему интересу к Достоевскому. Наверное в каких-то вещах влияние было самым прямым. Например, в повести «Кто-то должен» он помог мне забраться в душу одного из героев, найти совершенно непредвиденную правду его поведения. Это было сделано как бы «по Достоевскому». Больше я себе никогда не позволял такого подражания. Но осталось стремление понять идею человека, забраться глубже за пределы видимых мотивов поведения, туда, к неожиданному, к непонятному.

3. Вначале моим любимым произведением было «Преступление и наказание», потом «Идиот» и, наконец, теперь «Братья Карамазовы».

4. Место Достоевского в литературе нельзя, по-моему, оценивать как высокое или очень высокое, настолько оно отдельное. Считают, что он изображает, как никто, русский национальный характер. Думаю, что кроме того важно другое — и свидетельство тому постоянный всемирный интерес к Достоевскому. Он изображал человека с его всеми ведомыми психологическими лабиринтами, — так, как это умеет делать мировая литература. И герои Достоевского в той же мере русские, в какой Гамлет — датчанин, царь Эдип — древний грек или Дон-Кихот — испанец. Романное мышление Достоевского для меня лично примечательно тем, как он умел ставить — именно в романной форме — проблемы, как умел разрабатывать идеи. Причем его проблемы, его идеи имеют не только всеобщее, всемирное значение, но и поразительно долгую жизнь. Ни одна из них не устарела, не отмерла, в ходе лет и событий они даже заостряются, становятся все насущнее, важнее.

5. Главное в Достоевском для меня нравственная сторона писаний — и его самого, и его героев. Мы, к сожалению, слишком увлекаемся преодолением страданий, считаем, что, преодолевая страдание, человек утверждает себя и служит примером другим. А у Достоевского страдания и непреодоленные — может быть, именно непреодоленные — имеют наибольшую ценность. Через них читатель обрета связь с людьми, он ощущает участие писателя в своей слабости, в своей печали, в своей порою безнадежной жизни. Достоевский сочувствует людям, притом часто вовсе не главным в жизни, зачастую как бы мало полезным, тем «униженным и оскорбленным», тем «бедным людям», которые повсе

пе герои своего времени. Эта гуманность Достоевского-художника оспаривает ныне торжество человека делового, культ красоты, силы, счастья.

Одна из сильных сторон Достоевского в многозначности его произведений: каждое из них на протяжении минувшего века становилось все более спорным, открывалось новое их понимание и непонимание. Секрет оставался неразгаданным. Тут есть какая-то тайна. Причем чем интереснее работы литературоведов (а их Достоевский породил немало), тем эта тайна значительнее. Она не уменьшается. Вот, например, я прочел последнюю работу Ю. Ф. Карякина о «Преступлении и наказании». Как он много нового открыл в поведении Раскольникова! А все же уверенности в полноте разгадки нет. Почему? Я не раз задумывался над этим, пытаюсь понять, в чем же тайна поведения героев Достоевского, почему никогда нельзя в точности однозначно мотивировать их поступки, почему всегда остается какая-то неясность в наших доказательствах, касается ли то Раскольникова, или Карамазова, или Мышкина? Можно и так, и этак понимать побудительные причины и смысл их действий. У меня на сей счет получилось странное соображение: а что как сам автор не знал, почему они так поступают? Т. е. для него они становились настолько живыми и отстраненными от него героями, что он уже не мог отойти к ним, как к своим созданиям. Он переставал их понимать. Он знал, о чем они думают, что говорят, хотят, но для него этого недостаточно, существует и подсознание, то, что неизвестно бывает и самому человеку. Убеждение в неразгаданности человека сопутствовало Достоевскому в литературной работе. Если бы и нам можно было добиваться от собственных героев такой самостоятельной жизни, не поддающейся разгадке!

Н. М. Любимов

(переводчик, лауреат Государственной премии СССР; Москва)

1. Мое первое знакомство с творчеством Достоевского произошло, когда мне было восемь лет. Я получил в подарок хрестоматию «Живое слово», в которую входили отрывок из «Записок из Мертвого дома» (сокращенная глава «Каторжные животные») и «Мальчик у Христа на елке». При чтении «Мальчика» во мне пробудилось новое чувство, дотоле мной не испытанное, — сострадание. Впервые оно появилось у меня не при столкновении с действительностью, а при соприкосновении с художественным словом. Любимым писателем моей матери был Достоевский, и она исподволь подводила меня к нему, пересказывая то, что было более или менее доступно моему восприятию. Одиннадцати лет я прочитал «Братьев Карамазовых». И, как ни странно, читал не отрываясь. Мне не показалась скучной даже «Легенда о Великом инквизиторе», хотя, разумеется, она тогда проплыла мимо меня как в тумане. Тогда на меня наиболее сильное впечатление про-

извели история Илюшечки и размышления Ивана Карамазова о страданиях детей. Достоевский, подобно всякому большому явлению искусства, открывался мне все шире и шире при повторных чтениях.

2. Как переводчик художественной литературы, я с давних пор учусь у Достоевского. Вглядываюсь в его искусство психологического анализа, в его портретную живопись, в его пейзажи с их скупой выразительностью (достаточно вспомнить пейзажи из «Бесов»), вслушиваюсь в то, как говорят его герои: что ни человек, то особый речевой мир. На духовное мое развитие никто из писателей не оказал такого мощного и благотворного влияния, как Достоевский. Стараться разглядеть в каждом человеке умственные и душевные богатства — это свойство больше, чем кто-либо из писателей, развил во мне Достоевский. И если это свойство развито во мне далеко не так, как бы мне хотелось, то вина в этом всецело моя.

3. «Братья Карамазовы». Потом — в равной мере — «Идиот», «Преступление и наказание», «Бесы». Любовь к «Братьям Карамазовым» укрепили во мне артисты Московского Художественного театра. Если б я не видел Леонидова в роли Мити и Качалова в роли Ивана, я бы так отчетливо не представлял себе братьев, какие-то чрезвычайно важные смысловые и эмоциональные оттенки в их монологах пропали бы для меня навсегда. Теперь я смотрю на них уже не только как на героев хотя бы и любимого произведения, а и как на моих близких знакомых. Вся душевная многослойность адвоката Фетюковича так бы и не дошла до меня, если б я не слышал его речи на суде в исполнении Берсенева.

4. Для меня Достоевский занимает в мировой литературе первое место. Он мне представляется многогранней даже Сервантеса и Шекспира, при всем моем преклонении перед ними. В русской литературе я не знаю другого писателя, который совмещал бы в себе мыслителя, знатока души человеческой и мастера романтической композиции и сюжетосложения, владеющего секретом занимательности и увлекательности.

5. Наиболее важно и ценно для нашего времени человеколюбие Достоевского, его сочувственное и всепонимающее внимание к униженным и оскорбленным, его умение вызвать у читателя не дешевые слезы умиления, а стремление незамедлительно помочь ближнему, расшевелить в читателе действительную отзывчивость. Творчество Достоевского жизнеутверждающе. Это может показаться странным только на поверхностный взгляд. Достоевский ведет читателя трудными, порой мучительно трудными путями, меж провалов и круч, но сквозь зло к добру, сквозь кривду к правде, сквозь тьму к свету. Радость Достоевского — выстраданная радость, и тем она ценней и дороже.

В. Г. Распутин

(писатель, лауреат Государственной премии СССР; Иркутск)

1. Знакомство с Достоевским началось у меня, как и у многих, очевидно, людей моего поколения, достаточно поздно — лишь в студенческие годы (я поступил в университет в 1954 г.). Правда, была попытка читать Достоевского еще в школе, но попытка, надо признаться, слабая — потому, во-первых, что школьная программа, как известно, тогда не жаловала Достоевского хотя бы мало-мальским вниманием, а во-вторых, мне, как на грех, попалась и действительно трудная для начала книга, в старом издании, — «Записки из подполья». Помню, я почувствовал духоту, подавленность от непривычной прозы и бросил книгу. Так я ее в буквальном смысле, как «записки из подполья», пожалуй, и воспринял.

В университете я начал с «Преступления и наказания». Читал без самопринуждения, но и без удовольствия. Сказывалась моя тогдашняя неподготовленность к такой литературе, долгое отсутствие среди нас Достоевского, без которого мы сочли себя людьми простого положения и простой сути, признающими вокруг лишь простой, неромантический порядок вещей.

Понимание Достоевского началось у меня позднее. Думаю, что оно не стало полным и до сих пор. Достоевский — это целый мир, настолько сложный, богатый и живой, что открытия и откровения в нем даже для большого исследовательского ума, задавшегося целью расположить этот мир по правилам и законам, будут продолжаться постоянно вместе с продолжением внешней жизни.

2. Без сомнения. Особенно в последние десять лет. Вообще, надо сказать, что испытание Достоевским — очень трудное для писателя испытание. Я уверен, что были, есть и будут люди, причём далеко не бесталанные, но обостренно честные, которые бросают занятия литературой, соотнеся свои творческие и духовные возможности с могучей высшей правдой Достоевского. Он остается самой строгой, взыскующей совестью литературы. Он остается, кроме того, духовной наукой огромного нравственного и общественного действия, наукой, сознательное и серьезное приобщение к которой не проходит бесследно для любого человека, а для писателя тем более.

3. «Братья Карамазовы».

4. Достоевский стоит не в ряду самых великих имен мировой литературы, впереди или позади кого-то, а над ними, выше их. Это писатель другого горизонта, где ему нет равных. Были и есть таланты блестящие, яркие, сильные, смелые, мудрые и добрые, но не было и нет (я не буду, на мой взгляд) явления в литературе более глубокого, более нейтрального, необходимого, более человекаправленного и вечного, чем Достоевский. Человеческая мысль дошла в нем, кажется, до предела и заглянула в мир запредельный... Похоже, что кто-то остановил руку великого пи-

сателя и не дал ему закончить последний роман, встревожившись его огромной провидческой силой. Это было больше того, что позволено человеку; благодаря Достоевскому человек в миру и без того узнал о себе слишком многое, к чему он, судя по всему, не был готов.

5. Духовность. Главное, основное содержание человеческого бытия, которое, как показало прошедшее после смерти Достоевского столетие, не признает даже самых красивых и удобных подмен и жестоко мстит за них.

В. С. Розов

(драматург; Москва)

1. С произведениями Достоевского я познакомился в возрасте 19—20 лет, когда жил в Костроме. В доме, что был напротив нашего, жил мой друг, отец которого был преподавателем русского языка и литературы. У них была порядочная библиотека, к которой я имел доступ. Тома Достоевского были в прекрасных переплетках, поблескивающих золотом. Я перенес к себе один том и прочел «Маленького героя». Вещь понравилась, видимо оттого, что была внутренне близка мне. И я начал читать все подряд. При чтении «Братьев Карамазовых» я прерывал чтение, кладя книгу на стол, и скакал по комнате от восторга. Позднее я понял, что восторг этот был от соприкосновения с гением. И снова почти все было «про меня». «Зосиму» осиливал с трудом и, кажется, пропускал. А «Великого инквизитора» не повял. Да и сейчас не все в нем понимаю.

2. Конечно, если так поразил в юности. Он же зовет на те высоты духа, где дух захватывает.

3. «Братья Карамазовы» — там есть все.

4. Не люблю расставлять по ранжирам, особенно гениев — это бессовестно.

5. Духовность, совесть, жертвенность. Чисто творческие: микельанджеловское ваение образов, языковой темперамент, авторское бесстрашие.

С. М. Слонимский

(композитор; Ленинград)

Достоевский оказал огромное влияние на современную музыку. Величайшие композиторы-симфонисты XX в. — Малер и Шостакович, несомненно, постигли психологические глубины этой необыкновенной литературы и по-своему преломили ее содержание и даже стилистику. В книгах Достоевского поражает непредсказуемость душевных движений героев, многомерность их психологии, сложнейшее развитие характеров (а развитие — одна из основ музыки, в особенности симфонической), органичное включение в художественную концепцию основных вопросов бытия, уникальное сплетение макро- и микромира человека и вселенной.

В молодости, естественно, я увлекался романтическими «Белыми почками». Позже страшным в своей реальности фантомом предстали «Бесы», в которых так много предсказано искривлений человеческой души и опустошающих «теорий», ставших жестокой опасностью для мира в периоды фашизма и распространения за рубежом различного рода человеконенавистнических, левоэкстремистских идей.

И все же самое ценное у Достоевского — это лейтмотив совести, упорный и неистребимый, звучащий глубоко внутри всей ткани каждого его произведения, в глубине души многих героев — страдающих, мятущихся, борющихся, ищущих правду. Эта высокоправственная тема справедливости, неподдельного сочувствия и сострадания, но также и гордости за человека, за силу и широту его души — вот что особенно вдохновляет читателя его книг. В книгах этих нет «учительства», дидактики от автора, философский диалог ведется через прямую речь и внутренние монологи героев разных и отнюдь не «голубых». Так что и читателю приходится включаться в этот жгучий спор о самых животрепещущих проблемах человеческой жизни. Достоевский никогда не «вещает», не принимает позы пророка, его язык беспокоеен и сложен, как сама жизнь, как сама истина.

Вот почему, как мне представляется, вникать в произведения Достоевского так трудно и так необходимо.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТЕКСТЫ ДОСТОЕВСКОГО

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ». ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

(Публикация Т. И. Орнатской)

«1»

- Я сама хочу спать — того нужнее.
- Зачем писем не распечатываете.

Ив<ан> Фед<орови>ч. Вот мое мнение о христианстве.
Алепа: И ты тоже.

Ложесна разверз.

Очень не буду тужить.
Не хочу ни за что тужить

«2»

Души проклинающие бога
Портрет вековечный
Tu es un riche

«3»

Необыкновенное свойство не хотеть ждать

Он тоже с низкими целями приходил. О [все] они, все они таковы, все до единого

А коль никакого обмана не будет, то и еще 40 тысяч донесу

Чрезвычайная важность каждой новой строки или наброска, отражающих ту или иную стадию работы над «Братьями Карамазовыми», объясняется незначительным (по сравнению с другими романами) количеством известных на сегодняшний день рукописных текстов этого романа. Публикуемые выше впервые наброски не меняют общей картины, предложенной в 15-м томе академического издания, творческой истории романа, а лишь в какой-то мере дополняют ее, подтверждая тот вывод, что почти все они нашли отражение в окончательном тексте романа и, как правило, предшествовали переходу к последовательному связному повествованию (15, 413, 605).